

Розэн Коулман

**Отныне
и
навсегда**

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К73

Rowan Coleman
FROM NOW UNTIL FOREVER
Copyright © by Rowan Coleman 2023

Перевод с английского *Лии Януровой*

Художественное оформление *Натальи Каштыкиной*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© LongQuattro / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Коулман, Роуэн.

К73 Огненные и навсегда / Роуэн Коулман ; [перевод с английского Л. Януровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-194672-2

До сих пор Бен Черч никогда не совершал ничего экстраординарного. Теперь ему нужно наверстать упущенное, пока он еще может. Бен оставляет все привычное позади и оказывается перед своей любимой картиной Леонардо да Винчи.

Жизнь Виты Эмброуз с нескончаемыми вечеринками, работой в галерее Лондона и потрясающей одеждой выглядит безумно гламурно, но на самом деле Вита не видит в ней никакого смысла. Она слишком много пережила и слишком многое потеряла. Вот почему она с головой уходит в изучение самой загадочной картины всей выставки.

Связь Бена и Виты непосредственная, спонтанная и страстная. Но часики тикают. Смогут ли они вместе заставить время остановиться? Удается ли им найти способ сделать так, чтобы их любовь жила вечно? Потому что каждое мгновение имеет значение, особенно если оно может стать последним...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Янурова Л., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194672-2

Посвящается
Ноа Питеру Девицку Брауну
23 апреля 2003—8 августа 2022

Раз к Смерти я не шла — она
Ко мне явилась в дом —
В ее Коляску сели мы
С Бессмертием втроем.

Эмили Дикинсон,
перевод Г. Нуруллиной

XII

*Часы летят,
Цветы увядают;
Новые дни
И новые пути
Проходят мимо!
Любовь остается.*

*Генри ван Дайк,
перевод Л. Януровой*

Глава первая

Когда это происходит, мне кажется, что это просто мое воспоминание или его отголосок, будто я уже сотню раз такое представлял. Воспоминание не совсем подлинное или правдивое, но тем не менее существующее.

— Вы пришли один? — спрашивает она. Десять минут назад я смотрел в окно, наблюдал за дождем и думал, что приготовить на ужин. А сейчас меня впервые с моего восемнадцатилетия спрашивают, пришел ли кто-нибудь со мной.

— Да, — говорю я. — Я тут один, док.

— Ладно, — она тянется ко мне через стол и ненадолго накрывает мою руку своей. Трещина в хладнокровном профессиональном образе уже говорит о многом. — Бен, новости не очень хорошие. Как вы уже знаете по опыту прошлого лечения, симптомом синдрома Марфана в вашем случае являются аневризмы. За последние несколько лет мы вылечили часть, но на недавних снимках появилась еще одна рядом со стволом мозга. Она большая, диаметром пять сантиметров, и именно из-за нее у вас головные боли и затуманенное зрение.

Головой я понимаю, что сейчас произойдет худшее событие в моей жизни, но не чувствую этого. Все происходит как будто в замедленной съемке.

— Понятно, — неуверенно говорю я. — Но большую часть времени я нормально себя чувствую. Может, я раз-

дул из мухи слона? — Доктор ничего не говорит. Слышу, как она сглатывает. — Ее вы ведь тоже можете клипировать? Или использовать баллон-ассистенцию?

Миссис Паттерсон качает головой:

— Боюсь, из-за расположения аневризмы мы не можем оперировать ее так, как делаем это обычно. Это очень опасно. Шанс полного восстановления составляет примерно три процента. Гораздо больше вероятность, что вы не переживете операцию, а если и переживете, то с серьезными повреждениями мозга. Следовательно, я не могу посоветовать вам такой вариант. Если мы облегчим симптомы и больше ничего не будем делать, то остаток жизни вы проживете хорошо.

Она выдерживает паузу, хмурится и поднимает взгляд на меня.

— Симптомы не исчезнут, но будут терпимыми. Вы сможете насладиться оставшимися днями. Однако жить вам осталось не так долго.

— «Не так долго» — это сколько? — медленно произношу я, выжидая, когда сказанное обретет форму и воплотится в реальность, в которой я существую.

— Учитывая ее нынешние размеры и скорость кровотока, аневризма разорвется в ближайшие месяцы, недели или... — она колеблется. — Или дни, Бен. Нельзя сказать точно. Когда настанет этот момент, все произойдет очень быстро, не будет продолжительных болей или страданий.

— Вот как.

На улице гром гремит так, словно кто-то встряхнул мешок с костями. Я смотрю на фотографию ее дочки в мантии выпускницы и думаю о своей маме, сидящей за кухонным столом, за которым я вырос. Вспоминаю сестру Китти, которая вкалывает на тяжелой работе, чтобы прокормить ребенка, и свою собаку Пабло, спящую

у двери в ожидании, когда я вернусь за чертежный стол к своему почти готовому инженерному проекту, который меня обогатит... должен был обогатить.

— Я выдам вам лекарство от боли и тошноты, — говорит миссис Паттерсон, обходя стол и приближаясь ко мне. — Вас снимут с моего контроля, а участковая медсестра сообщит всю информацию по поводу принятия лекарств. Есть очень хорошие группы поддержки и консультации, про них она тоже расскажет. Но я не собираюсь исчезать, у вас есть мой номер. Как только осознаете все произошедшее, звоните, и я отвечу на любые вопросы.

— Спасибо, док, — киваю я. — Вы лучшая.

— Удачи, Бен.

Сколько всего я не сделал, посчитав время неподходящим. Уходил от женщин, пропускал вечеринки, чтобы учиться, не путешествовал толком, не танцевал до такого состояния, когда сердце выскакивает из груди. Не прыгал из самолета, не учился серфингу, не регистрировался в Инстаграме¹, не купался гольшом. Никогда не влюблялся по-настоящему. Я сидел допоздна, в одиночестве развивал свой бизнес — у меня же было столько времени, чтобы пожить «потом». По крайней мере я так думал. Я никогда не стану отцом.

Я встаю и собираюсь пожать доктору руку, но она заключает меня в объятия. Чувствую, как трясутся ее плечи. Наверное, сейчас я должен осознать всю тяжесть происходящего, но мне просто жаль ее. Жаль эту замечательную женщину, которая, наверное, волнуется обо мне больше положенного.

¹ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*здесь и далее*).

— Извините, — она отходит и разглаживает складки на юбке. — Не очень профессионально с моей стороны.

— Не извиняйтесь за то, что вам не все равно. Мы уже давно друг друга знаем, — говорю я. — Спасибо вам. Спасибо за все.

* * *

Я выхожу из больницы и начинаю, по всей видимости, последние главы своей ничем не выделяющейся жизни. Подставляю лицо дождю, позволяя каплям стекать по щеке за воротник, а затем ледяной дорожкой по спине. Никаких слез.

Я думал, что нахожусь в середине своей жизни, а не в конце. А что теперь? Кажется, я утратил способность ориентироваться в пространстве.

— Вечно ливни, да? — бормочет старушка рядом, когда я направляюсь к вокзалу. Под подбородком у нее видны завязки от дождевой шапки, на лице — следы прожитой жизни, глаза сверкают, словно говоря, что у нее на этом свете еще много дел. — Милок, ступай домой. Заболеешь ведь, это опасно для жизни.

Я смеюсь. Стеклообразные поверхности запотевают по мере того, как на станцию заходит все больше и больше людей, ищущих укрытие от дождя. В лужицах от торопливо отряхнутых зонтиков отражаются уличные фонари.

— Помочь вам с сумками?

— Не надо, у меня все схвачено, — говорит она, — я с тележкой. А ты иди выпей чего-нибудь горячего, бледный как полотно.

— Как раз собирался, — отвечаю я и смотрю на табло прибытия электричек. Плечи оттягивает тяжелый рюкзак, который я набил вещами первой необходимости на случай, если меня экстренно положат в больницу.

Изучаю табло отправления, вижу электропоезд в Хебден-Бридж, который отбывает через пять минут. Я опять думаю о маме, которая одна сидит за кухонным столом, читает книгу и пьет кофе, о Китти, о ее работе в гараже. Может, у нее выходной, и она проводит время с моим племянником Эллиотом. Они все пребывают в сладостном неведении, ничего не подозревая о новостях, которые я вот-вот на них обрушу. Затем я размышляю о том, с чем мне предстоит разобраться: мой бизнес оптической инженерии, проект, над которым я трудился много лет и почти закончил его, неоплаченные счета, прогулка с Пабло, обещанная ему перед уходом. Я думал, если отложу дела, пара часов ничего не изменит, а теперь это время кажется величайшей драгоценностью, и я не знаю, что мне делать.

Поезд, который отходит перед моим, начинает мигать, зазывая последних пассажиров. Скоростной поезд до Лондона, города, где я никого не знаю и никогда не был, отправляется через три минуты.

Что-то сжимает мое сердце. Возможно, это страх, а быть может, желание. В этот момент я уверен только в одном: мне надо вырваться из обычного порядка вещей, чтобы я мог думать. Чтобы я мог чувствовать.

Я срываюсь с места и влетаю в поезд до Лондона за секунду до того, как двери начинают закрываться. Плюхаюсь на первое попавшееся свободное место. Впервые в жизни у меня нет плана, и я в ужасе.

Глава вторая

Большую часть жизни я мечтала об этом моменте, а теперь, приблизившись к нему, боюсь, что ничего не получится. По ту сторону огромных позолоченных дверей в стиле рококо слышны гул возбужденных голосов и звон бокалов. Они открываются, демонстрируя то, что некогда было бальным залом одного из самых роскошных мест в Лондоне. Теперь это Коллекция Бьянки, названная в честь богатой вдовы, которая завещала свой дом и его содержимое жителям Лондона. Здесь я проработала, вернее, прожила много часов. И именно на это место я возлагала свои хрупкие надежды. Если они снова обратятся в пыль, тогда я пойму, что достигла конца *в поисках конца*. Не могу представить, что будет после.

В шикарном золотом зале полно замечательных, неплохих и не самых приятных личностей из мира искусства. Они, словно неземные существа, блестят и отражаются в отполированных поверхностях снизу и сверху. Все пришли на предпоказ выставки, над созданием которой я работала многие годы, и вот наконец сохранившиеся портреты Леонардо да Винчи здесь, в этом музее.

— Вита, ты идешь? — Анна, моя начальница, улыбается мне. — Выглядишь прекрасно. Это Диор?

— Это старье? — отвечаю я, указывая на винтажное платье пятидесятых из сизо-серого шелка и тюля, сидящее на мне как влитое. — Да так, просто висело дома.

— Откуда у тебя столько одежды, сшитой на заказ, да еще и в стиле всех десятилетий? — недоверчиво спрашивает Анна. — Тебе впору открывать выставку своего гардероба в музее Виктории и Альберта.

— Черта нашего рода, — говорю я с улыбкой. — Мы не умеем выбрасывать вещи.

Анна берет меня за руку.

— Волнуешься? Ходишь тут неуверенно, как Золушка, — говорит она. — Милая, ты же знаешь, что тебе можно на бал? Это твоя вечеринка. Ты сама себе прекрасный принц, а мы — так, восхищенные почитатели твоей работы.

— Знаю, ты права, — отвечаю я. — Просто мне кажется, будто слишком многое поставлено на кон. Даже больше, чем я ожидала.

Я планировала, договаривалась, умоляла и торговалась с лучшими музеями и галереями мира годами, чтобы собрать почти все сохранившиеся портреты да Винчи в одном месте. И вот момент истины настал.

Анна кивает.

— После этого вечера весь Лондон будет знать твое имя, — уверяет она.

От одной мысли я содрогаюсь.

— Не уверена, что меня прельщает такая перспектива, — отшучиваюсь я, скрывая свои истинные страхи. — Но дело даже не в этом, — я тщательно подбираю слова. — У меня есть много вопросов, связанных с самими картинами. Надеюсь, раз уж теперь они у меня на хранении, я наконец найду ответы.

— Уверена, ты найдешь то, что ищешь, — Анна сжимает мои пальцы. — Ну, идем, прекрасная принцесса, — она улыбается лакеям, которые открывают нам двери, — полюбуешься чудом, которое ты сотворила.

— Это да Винчи сотворил чудо, — говорю я, — а я просто следую за ним.